

Ольга Сурина-Чистякова

Абатские рассказы

Ольга Сурина-Чистякова

Абатские рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66893808

SelfPub; 2022

Аннотация

Советское детство в деревне: такое наивное, чистое и беспечное! Но в каждом детском опыте скрыты свои тайны, открытия, разочарования...

Содержание

Предисловие	4
Свинья	5
Золушка	12
Про цыган	24
Баня	30
Заброшенный дом	34
Воровка	40
Виктория	45
Квартирант	51
Кошки	57
Лилина мама	64
Место силы	69

Ольга Сурина-Чистякова

Абатские рассказы

Предисловие

В восьмидесятые годы почти у каждого моего сверстника хотя бы одна из бабушек жила в деревне или селе. На лето сады и школы закрывали свои двери, и бдительные родители отправляли ребятишек под присмотр к старшим родственникам. Всю пользу летнего пребывания на свежем воздухе в полной мере ощутила и я, проводя каждое лето в поселке городского типа Абатское на юге Тюменской области, на малой родине моей матери.

Все события, произошедшие со мной в гостях у бабушки, слились в одно большое длинное теплое воспоминание. В него можно «упасть», когда грустно, чтобы черпать силы добра и любви, которыми была я окружена, и чувствовать легкую беззаботность оставшегося там детства.

Все происшествия реальны, все герои настоящие и все совпадения не случайны, как не случайно ничто в этом мире.

С огромной благодарностью и открытым сердцем к жителям Абатска!

СВИНЬЯ

Бабушка Варя всегда держала свиней. Она брала одного – двух поросят в марте и, когда я приезжала в июне-июле, поросята уже становились полноценными свиньями. В небольшом свинарнике с выходом – прогулочной зоной в огороде размером два на два метра, огороженной крупной сеткой-рабицей, они росли и набирали вес до декабря. Я приезжала каждый год и каждый год поросята были новые, но с неизменными именами: Борька и Машка. Куда подевались прошлые свиньи, я спросила лишь однажды. Бабушка буднично ответила: «Так съели их». Я приняла ответ как достаточный, но даже представить себе не могла, что перед тем, как их «СЪЕЛИ», их сначала «УБИЛИ», а, тем более, что сама их и съела (мама всю зиму делала котлеты из мяса, которое присылала нам бабушка).

Летом, когда стояла целый день удушающая жара, раз в пару-тройку дней свиньям полагалась «прогулка». Происходила она так: часов в полседьмого вечера, когда зной спадал, дед Семён запирал на задвижку калитку (как на ночь), что вела из ограды на улицу, закрывал на щеколду щелеватые дощатые двери в огород и припирал большой доской выход из конуры для черной дворняги – Пирата. Затем в неглубокую яму – метр в длину и 30 сантиметров в глубину, которая служила свиньям бассейном, он выливал 3 ведра воды. В

«бассейне» тут же образовывалась прохладная серая грязь. Бабушка убирала в дом с крылечка обувь и половички.

Когда все приготовления были позади, двери стайки со свиньями распахивались, и они вываливались на променад с довольными харями. Выскочив из своего заточения, поросята поначалу бешено носились по ограде, размахивая своими ушами и смешно визжа от радости. Бессмысленные их глаза-пуговицы под белесыми ресницами утыкались во что-то, они на миг замирали, потом вдруг визжа, неслись, не разбирая дороги, сшибая на своем пути оставленное ведро или метлу.

Как следует набегавшись, свиньи, деловито похрюкивая, заваливались в «бассейн» из грязи и барахтались в нем, покрывая свои упитанные бока и щетинистые спины «спасением от сибирских комаров». Вдоволь навалывшись в грязь, они щипали травку на ограде, прогуливались, тыкались носом в различные хозяйственные предметы под навесом, роняли их, перекатывали. Или вдруг начинали подрывать носом один из столбов сарайки – дровяницы, а то с любопытством и наглостью заглядывали в щелку в конуру к запертому Пирату, который возмущенно принимался лаять на них до хрипоты.

Для меня это было сравнимо разве что с цирком – я ждала каждой прогулки свиней с нетерпением. Бабушка ещё до «прогулки» готовила свиньям еду – два ведра отвратительной смеси из воды, каши из комбикорма, остатков старого

хлеба, яичной скорлупы, картофельных очисток, рыбьих потрохов и чёрт знает чего ещё. Я терпеливо ждала рядом, пока она это приготовит, и мы отправимся на скамейку перед домом, на которой полагалось находиться во время всего «свиного представления». Меня маленькой не оставляли одну на улице, пока свиньи гуляли, в целях безопасности. Бабушка сидела рядом в течение всей прогулки, потому что свинья могла подойти и укусить (чего, к счастью, ни разу не произошло), а также запросто ткнуть довольным рылом, толкнуть свежеизмазанным в грязи боком.

Пока свиньи гуляли, дед Семён вычищал их свинарник. Затем садился на чурку и закуривал вонючий «Беломорканал». Свиньи, прохаживаясь мимо него, поднимали свои здоровые пятаки и внюхивали дым, а он доставал из заднего кармана заранее надранной молодой моркови, похожей на оранжевые крысиные хвосты, и тыкал им в морды – свиньи благодарно чавкали, широко раскрывая пасти с крупными квадратными зубами.

Солнце мягко поглаживало верхушки деревьев, звенели комары, бабушка иногда пела:

Крутится, крутится шар голубой,
Крутится, вертится над головой,
Крутится, вертится, хочет упасть,
Кавалер барышню хочет украсть...

Я просила петь дальше, но бабушка говорила, что её память сохранила только эти строки. Мне было обидно отто-

го, что я никогда не узнаю, зачем кавалер украл барышню и упал ли шар кому-то на голову.

Дед, кряхтя, поднимался и шел за приготовленными ведрами для свиней. Они радостно встречали его и подхрюкивая, подталкивая друг дружку, заходили в свой загон «ужинать». Меня всегда поражала их покорность: за еду они готовы были сидеть в тесной клетке, шли туда после выгула добровольно. «Если бы меня выпустили из темницы», – думала я, – «и позволили бежать куда вздумается, я бы ни за что не вернулась в заточение, даже ради шоколадных конфет, а не то, что ради ведра дурнопахнущей бурды».

Все «прогулки» проходили примерно одинаково: из лета в лето Борьки и Машки борзо носились по ограде, топоча своими копытцами, из зимы в зиму ели мы из этих копытцев холодец на Новый год. Однако один случай запомнился особо.

Мне в то лето должно было исполниться восемь и я, как обычно, проводила июль в Абатске. В одну из «свинячьих прогулок» я откровенно скучала. Свинья Машка (в тот год была только одна свинья), уже довольно большая к середине лета, неторопливо вывалявшись в грязи, равнодушно щипала травку, не совершая ничего, на мой взгляд, интересного. Дед Семён, вычистив свинарник, ушел в огород в неровный из серых старых досок туалет, попросив меня закрыть за ним дверь в огород на щеколду, чтобы Машка не вытоптала грядки. Я закрыла за ним дверь и вернулась на лавочку. Пекло

спину вечернее солнце. Машка продолжала равнодушно жевать, не обращая внимания на меня. У бабушки на плите закипела каша из комбикорма для будущего Машкиного угощения, и бабушка ушла в дом.

Некоторое время я сидела и слушала кузнечиков, что стрекотали из стоящей рядом клумбы, где росли маки, кусты белой и розовой космеи. Сорвав лепестки с одного цветка, сделала себе «накладные ногти». Не зная чем себя занять, я поплелась к калитке ограды. Выйдя за ограду, закрыла калитку и в тоске оглядела в оба направления улицу Мира, на изломе которой притаился бабушкин дом. Я надеялась, что хоть кто-то играет на улице и можно будет пообщаться, но было безлюдно.

Огромная соседская береза под порывом ветра зашелестела на меня, замахала своими тяжелыми ветками, пытаясь подло скинуть на меня клещей, которые на ней жили. Я была уверена, что мифические клещи, которых никогда не видела, живут исключительно на березах, а на этой особенно. Я удрученно поплелась домой, решив заняться чем-нибудь в комнате. Когда я уже разложила выдавших виды игрушечных слона и облезлого жирафа на старом диване, с улицы раздался крик: «Свинья! Свинья сбежала!!!» и бабушкины ругательства. Я молнией подлетела к кухонному окну: бабушка стояла в открытых дверях ограды, а дед убежал куда-то вдаль по улице.

Я неторопливо одела сандалии и подошла к бабушке, ко-

торая отчаянно вглядывалась туда, куда убежал дед.

– Что случилось? – я старалась, чтобы голос мой не казался напуганным.

– Машка сбежала! Дед калитку не запер, наверное, курить выходил, вот она и сбежала!

В это время дед Семён бежал обратно по дороге, мотая головой – нет, мол, не туда побежала.

– на Власково беги, она, наверное, воды попить захочет, утопнет – кричала бабушка, заламывая руки. Дед прошагал сердито мимо, не глядя в нашу сторону, и направился к болоту.

– Ты за ограду не выходила? – спросила бабушка.

– Нет, – спокойно соврала я и пошла в дом.

Через какое-то время бабушка тоже зашла. Я сидела и отчаянно вспоминала: «закрывала я дверь или нет, когда вошла в ограду? А если закрывала, то достаточно ли плотно?», – и не могла вспомнить. События минутной давности не отпечатались в памяти, я искала их и не находила. Однако уверенность, что это по моей вине Машка где-то бегает, а может тонет сейчас в болоте, была абсолютной.

Бабушка села на сундук у стола и устало проговорила: «Столько трудов, не пропала бы...» Я тогда даже не представляла, сколько сил и денег было вложено в скотину, которая должна кормить всю семью долгой зимой, и досадливо злилась, что сбежавшей свинье придают такое большое значение. «Подумаешь», – ворчала я, – «большое дело: свинья

сбежала! Другую можно купить и всего делов».

Уже ложась спать, я спросила у бабушки: поймали ли свинью?

– Да – ответила, зевая, бабушка.

– Где ж она была? – не понимала я.

– У соседей на огороде бегала... – и она шумно захрапела.

А я ещё долго не могла уснуть. С одной стороны, я радовалась, что свинья нашлась и не утонула во Власково, с другой – мне было интересно, как деду удалось её найти, поймать и привести назад без поводка, как у собаки. Меня ни разу больше не спросили, не моя ли вина в побеге свиньи? Я тоже не поднимала эту тему. Только деда я сама закрыла в огороде, а потому он точно не ходил курить за ограду, как была уверена бабушка. Дед меня не выдал. Да и свинья-то нашлась, что вспоминать зря, кто виноват.

С того случая мой интерес к выгулу свиней на ограде сошел на «нет». Я благоразумно оставалась в доме, когда они, визжа и хрюкая, наслаждались своим кусочком недолговечной свободы. И долго помнила хитрую Машку, к которой прониклась уважением: она единственная из всех решилась на побег, притворяясь совсем незаинтересованной в воле и всем довольной, но как только выпал шанс, Машка его не упустила! Может конец у неё и был как у всех свиней, которых держали на откорм, зато в её жизни было место приключению, а значит, она не была напрасной.

Золушка

По выходным меня забирали к себе тетя Галя и дядя Витя (родной брат моей матери), которые жили в Абатске минутах в 25 от бабушки. Тетя Галя работала старшей медицинской сестрой в детском отделении Абатской больницы, дядя Витя – водителем грузовика по доставке баллонов с газом населению. Всю неделю у бабушки я изнывала от скуки и только в выходные жизнь, казалось, кипела вовсю. Дом дяди, по сравнению с бабушкиной кухней и комнатой, казался для маленькой меня, огромным: прихожая, летняя кухня и кладовка, где обитал мой двоюродный брат; коридор, налево спальня тети и дяди с большой белой печью, напротив просторная кухня, тоже с печкой в керамической плитке; в конце коридора – большой проходной зал-гостиная и, наконец, маленькая спальня с двумя кроватями, где спала я и моя двоюродная сестра.

В деревянном доме было свежо и уютно. Простая обстановка не отвлекала от главного – от людей, которые жили в доме. Там всегда было многолюдно и что-то происходило: приходили гости и соседи, велись разговоры с детьми и родственниками, обсуждались и делались дела – всё с хорошим настроением, шутками, задорно и жизнерадостно. Эта семья стала для меня примером: там я поняла, что значит любить, уважать, поддерживать друг друга. Отношения тети Гали и

дяди Вити на долгие годы стали для меня эталоном семейного очага, в котором любят и уважают своих детей, друг друга, где часто звенит смех и всё наполнено счастьем.

Когда я маленькой гостила в их доме, жизнь моя была ярка и насыщена событиями. Совсем не думала я о том, что могла доставлять какие-то хлопоты и заботы, как не думает об этом ни один счастливый ребенок. Но потом во мне поселилась убежденность, что я могу приходиться в тягость людям, которые меня временно приютили. Поэтому я должна стараться «искупить» затраты на моё пребывание там каким-то, желательно тяжелым и изнурительным, трудом. Хоть от меня никто никогда не требовал исполнения какой-либо работы, я часто сама просила дать мне какое-то дело. А потом была очень горда, когда чувствовала себя «полезной», как бы оправдывая своё пребывание в этом счастливом месте.

Время шло, я подросла, и акцент моих тётки и дяди ожидаемо сместился на появившихся внуков, которых тоже привозили из Тюмени и Лянтора на лето. Первое время я жестоко страдала от того, что потеряла большую часть внимания. Но, как всем подросшим детям, мне пришлось смириться, что малышей любят больше, чем взрослых, а своих детей, больше, чем чужих.

В один из летних солнечных выходных дней, когда народу в доме было много: родители, дети, внуки, родная племянница тётки Гали с семьёй и я, после шумного завтрака пыш-

ными блинами с домашней сметаной и молоком, всей толпой было решено поехать собирать землянику, которой в том году были усыпаны местные леса. После этого предполагалось искупаться в реке Ишим. День обещал быть потрясающим! Дети с шумом носились по дому, взрослые собирали необходимые вещи в сумки, веселая суета кружила всех, иногда сталкивая между собой.

Когда пришло время рассаживаться в мотоцикл с коляской и машину, то оказалось, что места на всех не хватает. Малышей было решено везти в люльке мотоцикла с дядей Витей и тетей Галей, ещё четыре взрослых и двое детей входили в машину. Мне места не оставалось. Понимая, что никто не останется, уступив мне свое место в машине, я самоотверженно принялась всех уверять, что на самом деле совсем не хочу ехать, а спокойно останусь дома одна, пока они погуляют в лесу и искупаются. Убеждать всех, что совсем не переживаю, долго не пришлось: веселая толпа завела моторы и скрылась за пригорком.

Я закрыла калитку и постояла какое-то время, не веря, что меня действительно бросили. Мне было отчаянно больно признавать, насколько легко мной можно пренебречь. Остро я почувствовала себя на месте лишней родственницы, которая всем в тягость.

Вернувшись в осиротевший дом, который минуту назад звенел на разные голоса, я вошла в кухню. На столе, с которого второпях забыли убрать варенье и топленое масло по-

сле завтрака, стояла гора немытой посуды. Видимо, хозяйева предполагали всё помыть по возвращении и не стали тратить время. Какое-то время мы с посудой смотрели друг на друга. Затем как-то само пришло на ум, что я как Золушка, которую не взяли на бал (дуновение ещё недалеко ушедшего детства) и я заплакала.

Я умылась в умывальнике над раковиной в кухне и огляделась. Перед тумбой валялись несколько кем-то оброненных цветных бумажек. Я подняла их и, не разглядывая, бросила в помойное ведро. На раковине, свернутая в несколько раз лежала серая тряпочка. Тут во мне разыгралась гордость и я решила: «Что ж! Если меня не взяли на бал и не надо! Если я, как Золушка в этом доме, то перемою всю посуду! Когда они все вернутся и увидят, что во время их веселья, я трудилась за них, то им, конечно, станет очень стыдно за то, что они меня бросили!»

В неукротимой решимости исполнить свой «план мести», я стала оглядывать кухню в поисках тастика. Его видно не было. Я очень заперевживала, что домочадцы могут вернуться раньше, чем я закончу с помывкой, и эффект будет не тот. Я вышла на улицу. Внимательно оглядев ограду, увидела большой желтый металлический таз у забора. Притащив его в дом и налив доверху холодной воды из ведра, серой тряпочкой с раковины я тщательно перемыла всю посуду (даже сковородки и большую кастрюлю, в которой заводили тесто на блины). Потом всё вытерла махровым полотенцем, висев-

шим на двери, и убрала на полки. В дополнение я вытерла со стола, поставила в ряд табуреты и, очень довольная собой, осталась ждать хозяев. Ждать пришлось недолго.

Когда все приехали и стали расходиться по комнатам и переодеваться после купания, я, как ни в чем не бывало, сидела и читала. Когда женщины и дети собрались на кухне и стали накрывать стол к обеду, я, как бы случайно, прошла мимо. Тетя Галя окликнула меня.

– Спасибо, Оленька, что перемыла всю посуду! А то мы с этими ягодами так намаялись, ... а тут уже обедать пора. А скажи, ты какой тряпкой посуду мыла?

Я с гордостью указала на серую тряпочку на раковине под умывальником.

– А в каком тазике? – почему-то не унималась тетя Галя.

– На ограде у забора взяла. А вытирала вот этим полотенцем – кивнула я на дверь.

По тому, какой дикой гиеной взвизгнула в истерическом смехе моя двоюродная сестра, я поняла, что что-то не так.

Как оказалось, посуду я вымыла в тазике, из которого обычно мыли полы в доме и бане. А тряпку использовала, которой сморкали детям сопли. После чего тщательно вытерла всё полотенцем, которое вчера использовал в бане дядя Витя. Стыдно было невероятно. Все надо мной смеялись, хоть вины в том, что я сделала, не было никакой.

Тетя Галя открыла шкаф и показала мне, где стоит нужный тазик для мытья посуды, а также подходящие тряпки. Я

же внутренне тут же дала себе клятву: откусить себе руку, если ещё раз решу делать что-то в доме, без ведома хозяйки.

Вся семья снова и снова пересказывала мой поступок, как хороший анекдот, который с каждым новым разом обрастал новыми подробностями. Мне было тошно, я не знала куда деться. На меня никто не злился и не обижался, все дружно перебивали посуду, которую я уже «помыла», шутили и дурачились.

Позднее я понуро сидела на лавочке и отмахивала пристающих комаров, когда все в доме всполошились: пропали билеты на самолет у племянницы тети Гали. Она начала собираться в дорогу (выезжать предстояло на следующее утро) и обнаружила пропажу. Она с мужем и двумя детьми так долго планировали эту поездку и вот, Юг «накрывался медным тазом». Все бросились искать пропавшие билеты и перерывать дом верх дном. Я нехотя присоединилась к всеобщей суматохе, но, не представляя, что именно я ищу, не особенно старалась. В значительной степени я даже была рада, что произошло что-то важнее моего поступка и все оставили, наконец, меня в покое.

Спустя пару часов бесполезных поисков, все сидели на кухне и пытались принять тот факт, что никто ни на какой юг не едет. Все были непривычно молчаливы и не знали, что ещё предпринять. Под вечер билеты на самолет нашлись так же внезапно, как и пропали: дядя Витя понёс выносить по-мойное ведро и они всплыли на поверхность.

В дом опять вернулось веселье: много шутили и громко смеялись, радуясь, что всё обошлось. Все гадали, как билеты могли угодить в мусор, что бы было, если бы они не всплыли?

О моем поступке с посудой совсем забыли и обсуждали только предстоящее путешествие гостившей у них семьи. Я благоразумно умолчала, что цветные бумажки, которые оказались билетами на самолет, бросила в помойное ведро я, искренне полагая, что, так как сделала это случайно, а также без последствий, то не стоит привлекать к себе внимание. «Для одного дня насмешек достаточно», – твердо решила я.

Качуля

Проводя каждое лето в Абатске по два-три месяца, я ежедневно маялась от скуки и думала, чем себя занять. В деревне в советское время никто не забивал себе голову: как бы развлечь ребенка. Ребенок здоров, одет, обут, накормлен, для прогулок – ограда, из друзей – соседские ребяташки. Бабушка вставала рано, в четыре утра, и принималась за хозяйство. После обеда она обычно ложилась поспать на час, затем снова занималась домашними делами и спать ложилась рано – в восемь вечера. Я просыпалась около девяти, завтракала и до обеда была предоставлена сама себе. Когда наступал дневной тихий час, я бродила или сидела возле бабушки и ждала, когда она проснется.

Самое унылое время был вечер. Телевизор старенький постоянно рябил, выдавая тусклую черно-белую картинку.

Это могли быть новости или какой-нибудь скучный взрослый непонятный мне фильм. Днем телевизор не включали, под предлогом того, что он «перегорит». В семь вечера заперлась калитка ограды на задвижку-трубу, двери в дом закидывались на крючок. Дед Семён спал в комнате-кухне, где стояла большая русская печь, бабушка спала на скрипучей панцирной кровати в комнате, я – напротив, на старом полуразваленном диване, пружины которого давно повыскакивали в нескольких местах и неровными валунами таранили мне спину. Чтобы устроиться на ночь приходилось долго возиться, располагаясь таким образом, чтобы вылезшие пружины не пихали меня в бок.

Бабушка перед сном всегда читала молитву. Это было странно, ведь я была некрещёный октябренок, и дома такого от родителей никогда не слышала. Я считала это почти колдовством, заговором и не понимала, как взрослая бабушка, прожившая всю жизнь в Советском Союзе, верит в эти сказки о боге. Бабушка начинала неистово храпеть.

Кроме этого, в доме не переставая звучало радио. Его не выключали и не делали тише даже на ночь, чтобы не сбить прием сигнала. Летом за окном и в комнате в восемь вечера было совсем светло. Спать не хотелось. В городе я никогда так рано не засыпала. Бабушка храпела с присвистом и громыханием, выпуская воздух откуда-то из глубин. По радио какой-то визгливый женский голос нудно читал какие-то партийные новости. В бок злобно тыкали пружины дивана.

Промучившись час-другой, я всё же засыпала.

Днём можно было поиграть в две из моих игрушек, доставшихся мне от других бабушкиных внуков – старого пластмассового облезлого жирафа и «слонятку» – серого слона, ценность которого была в крутящихся ногах, голове и хвосте; полистать две детские книжки, зачитанные до дыр (других книг в доме бабушки не было); порисовать в тетрадке цветными карандашами. Можно было забраться на печь, где вероятность встретить и потискать спящего кота увеличивалась в несколько раз. Можно было смотреть за бабушкиной работой: особенно было интересно, когда она садилась плести половики из кусочков разноцветных тканей или доставала большую круглую стиральную машину-цилиндр и та, недовольно бурля и фыркая, разбрасывала по кухне хлопья пены.

На улице же меня ждала «качуля», как называла её бабушка. Под навесом, который шел от дома к сараю и свинарнику, располагался верстак и небольшая мастерская деда Семёна. На полках располагались всевозможные инструменты для обработки дерева, жбаны и ведра, прохудившиеся кастрюли, серпы и рукоятки для садового инвентаря и много чего ещё. Всё это занимало своё место, отчего кажущийся хаос из разнообразных вещей для хозяев дома таким не являлся. Заднюю сторону навеса от огорода отделяла стена из плетеного ивняка. В углу была калитка, через которую можно было выйти в огород запасным путем и попасть

в густую траву между двумя разросшимися смородиновыми кустами. Перед калиткой, под навесом, где было достаточно свободного места, мне каждое лето дед Семён и вешал качулю: протягивал канат и закреплял его за верхнее бревно навеса, а вниз ложил дощечку-седушку. Качели получались не устойчивыми: нужно было стараться держать равновесие, цепляясь за канат, чтобы не перекувырнуться назад. Но это было не важно, ведь я могла качаться и петь песни хоть целый день.

Петь на качуле было обязательно. Этого требовала душа, когда летишь вперед, и в глубине взбрыкивает адреналин, а потом летишь назад, на секунду чувствуя пустоту и невесомость где-то в животе. Я в течение года аккуратно записывала в тетрадку и заучивала слова песен, которые летом буду петь на качуле. Но неизменной оставалась «Катюша», самая звонкая и самая любимая песня. Песни о войне как-то по-особенному звучали с качели, будто в полете их слова обретали более значимый, глубокий для меня смысл. Когда я пела и качалась, сама себе я представлялась птицей, и что-то очень знакомое и радостное было в этом состоянии.

Но у качули был один нехороший секрет. С ней нельзя было оставаться наедине. Когда мы качались с соседскими девочками, когда рядом хлопотала по хозяйству бабушка или что-то мастерил дед Семён, качуля в полной мере выполняла свою задачу, радостно поскрипывая канатами о бревно. Но если рядом никого не оказывалось, находиться под навесом

на ней одной становилось невыносимо страшно.

Однажды в послеобеденное время бабушка прилегла отдохнуть и сразу захрапела. Дед Семён куда-то уехал с самого утра и ещё не возвращался. Посидев некоторое время рядом, полистав старый (годов 50-х) журнал с непонятными выкройками устаревших фасонов платьев, я вышла на ограду и уселась в тень навеса на качулю. Был разгар жаркого июльского дня: Пират дремал в будке, в свинарнике тоже видимо спали, еле слышно жужжали насекомые. Всё вокруг заполнил жгучий солнечный свет и тишина. Я сидела, слегка покачиваясь и тихонько мурлыкая песенку. Из-под навеса граница на земле, между залитой солнцем лужайкой и тенью от сарая, казалась прочерченной. Пахло сыростью земляного пола мастерской и многотравием с лужайки.

Вот тут-то я впервые почувствовала леденящий ужас. Сидя спиной к калитке из ивняка, без сомнения вдруг стало ясно – там, за калиткой, через переплетения ивовых прутьев кто-то смотрит на меня. Злобно, пристально, сверля меня глазами. Я замолчала, застыла. Тишина была оглушающая. Я представила, как никто не услышит моего крика, даже если я сейчас заору во всё горло, буду звать на помощь. Боясь оглянуться и встретиться с ужасом лицом к лицу, я поняла, что это зло ждало меня, когда я окажусь без покровительства старших здесь одна и тогда, тогда... оно откроет калитку с той стороны. Собрав всё мужество, я соскочила с качули и, не оглядываясь, бросилась в дом. Бухнувшись на пол возле

храпящей бабушки, с колотящимся сердцем, я поняла, что только что избежала неминуемой смерти. Неизвестно, как и от чего, но было ясно – я чудом спаслась.

С тех пор на качуле я качалась только с кем-то рядом или в пределах видимости. Стоило на секунду остаться одной, липкий страх начинал облизывать спину, и чьё-то злобное незримое присутствие опять становилось различимым. Я набиралась храбрости, когда что-то рядом колотил дед, и открывала калитку из ивняка, выходила и стояла, с недоумением смотря на примятую траву между двумя кустами смородины за плетеной стеной, на заброшенный соседний дом, через картофельное поле. В жизни много страшных и пугающих вещей, однако, ничто и никогда впоследствии не убедило меня, что может быть что-то более жуткое, чем заполненный солнечным светом, жарой и тишиной летний обычный день, когда зло стоит за твоей спиной, готовое вгрызться тебе в шею.

Спустя годы, в беседе с сестрой, которая старше меня, выяснилось, что она тоже боялась оставаться на качуле одна, качаться спиной к ивовой стене, знала ужас, живший там. Как и я, однажды почувствовав его, узнавала потом. Какое-то неведомое и абсолютное Зло наблюдало и терпеливо ждало, когда ребенок останется один. Бабушка снимала качулю сразу, как уезжали внуки, чтобы ветер не раскачивал её, не скрипел канат, и не казалось, что там продолжает кто-то качаться.

Про цыган

Бабушка знала, что такое голодное военное время. Она была молода, когда началась Великая Отечественная война – восемнадцать лет. Оттого на всю жизнь запомнила, какой голод испытывает молодой растущий организм и как ужасно, когда нечем его утолить или хотя бы перебить. Я маленькая спрашивала о военном времени, просила рассказать. В садике, в школе требовали каждый год какой-то рассказ о том, какую роль в жизни семьи сыграла война, чтобы мы не просто «помнили», а могли прочувствовать боль тех, кто этот ужас выстрадал, перенес.

Бабушка чаще всего отмахивалась: «да нечего рассказывать – жили, работали». Но всегда при этом вздыхала, глубоко и тягостно. «Был же голод», – приставала я – «и что вы ели?». «Что ели, что ели? Траву ели», – устало отвечала она – «молодую крапиву срывали и суп варили». «И всё? Одну траву? Без мяса?», – я представила, как бы пошла, сорвала на ограде пучок травы и жевала, в воображении почувствовав вкус растительной горечи. «Баб, а вкусно это было, а?», – задавала вопрос уже засыпающей послеобеденным сном бабушке. «Вкусно, вкусно, когда несколько дней ничего не едала...», – отвечала она и начинала храпеть своим громоподобным посвистывающим храпом.

Видимо оттого, что бабушка натвердо запомнила, что еда

– это роскошь, которую нужно ценить, еда в доме никогда не пропадала даром и не выбрасывалась. То, что не ушло со стола в рот, направлялось свиньям; хлеб высушивался на сухари; корки от пирогов размачивались в чае и тоже съедались. Именно потому, что еда – это добро, которое нужно беречь, нас с детства приучили съесть всё, что положено на тарелку. Ещё одним бабушкиным правилом было: «не есть в гостях». Она могла попить чаю, но «объедать» никого не хотела и всегда отказывалась от предложенных угощений. Меня учила тому же: «Придешь в гости, у них ничего не проси (из еды); посадят за стол – не ешь много, угостилась, «спасибо» сказала и хватит. Есть нужно дома!»

Особенно мне попадало, если бабушка узнавала, что кушать меня усадили в соседском доме, вместе с их ребятишками, с которыми я играла. Для меня это было нормально: мы играем, хотим поиграть ещё, но детям пора есть, их зовут за стол. Не могут же меня тоже не позвать, а отправить домой. Меня тоже усаживали и накладывали мне тарелку. Приходя домой, я получала строгий выговор за то, что осталась «столоваться» у соседей. «Нужно идти обедать домой», – увещевала бабушка. Мне это было непонятно, наверное, потому, что я не знала ни истинной природы отношений между соседями, прожившими бок о бок десятки лет, ни о том, что «быть обязанной за то, что накормили ребенка» бабушка не хотела. Ещё бабушка сетовала: «вдруг соседи решат, что тебя дома не кормят, и ты вынуждена по чужим домам ходить».

Особенно странно мне было оттого, что эти «правила» совершенно не работали у бабушки в доме. Она всех, пришедших к ней, усаживала за стол (хотели они при этом есть или нет, не имело ни малейшего значения). Всех, что приходил в гости к бабушке, она должна была сытно и вкусно накормить до отвала! Родственники и знакомые, близкие и дальние, соседские дети – все собирались за столом и угощались всем, что найдется в доме. Бабушка – самая хлебосольная хозяйка, которую я когда-либо видела! Никто не уходил от неё просто сытым, не то, что голодным. Все уходили с чувством переданья (только тогда бабушка, казалось, была довольна и верила, что гости наелись) и с «гостинцами в дорогу» – всевозможными кренделями и булочками, соленьями и вареньями, грибами и блинами, конфетами и бог знает, чем ещё!

Конечно, главная цель заботы о внучке была – не дать мне проголодаться. Кажется, что если бы в детстве я столько не ела, проблем с лишним весом было бы значительно меньше. День начинался с плотного завтрака: гора блинов соседствовала с банкой густоющей домашней сметаны, в пиалах – несколько видов варенья и топленое сливочное масло; гора свежеиспеченного хлеба; крендели и рогалики; большущая чашка творога с сахаром и сметаной; неизменный гость бабушкиного стола – рыбный пирог с пескарями и тарелка ягод виктории. Дополняла ансамбль чашка чая с сахаром, размером в 0,3 литра. Разговоров, что я чего-то из этого «не хочу», «не буду», «наелась» бабушка не принимала категори-

чески. В идеале нужно было съесть всё подчистую, но так как это для ребенка было невозможно физически, то достаточно было поесть «всего по чуть-чуть», что в итоге всё равно приводило к перееданию.

На обед на стол выставлялось всё то же, что было на завтрак, но дополнительно мне наливалась большая тарелка супа, в обязательном для употребления порядке выдавалась большая горбушка хлеба, а «на сладкое» (кроме конфет и печенья») выставлялась широкая миска с густым киселем, который был в виде желе. Правила те же – съесть нужно всё.

Ужинать мы могли жареной со шкварками или вареной картошкой, рыбным пирогом и тушеной капустой с мясом, а также разнообразными кашами. Особенно перловкой, которая с большими кусками мяса томила в печи несколько часов. К этому конечно доставались все блюда, что побывали на столе в предыдущие трапезы, ведь еду нельзя выбрасывать. Всё нужно доедать.

Когда, казалось, все уже сыты и близился вечер, бабушка опять накрывала на стол, чтобы все «поели перед сном». В городе мы так не ели «на ночь», поэтому этому приему пищи я особенно противилась и есть к этому времени обычно не хотелось. Тогда бабушка высказывала свой самый на её взгляд весомый аргумент: «Ешь, а не то ночью цыгане приснятся!». После этого спорить и протестовать было бесполезно. Я не понимала, что же плохого в том, что мне приснятся цыгане. «Ну, приснятся и приснятся», – размышляла

я, – «Что, я из-за них теперь лопнуть должна?!», недовольно откусывая крендель и запивая сладким чаем.

Я цыганского табора или отдельно цыган не видела (в городе их цветастые толпы появятся позднее, в 90-е) и для меня это был какой-то мифический и ненастоящий народ, вроде эльфов или гномов. Они где-то есть, но их уже много веков никто не видел, а потому и нечего их опасаться, тем более во сне. Но бабушка была неумолима, – «Чтобы не приснились, нужно быть сытой». Дело было очевидно не в цыганах, а в памяти моей бабушки, которая провела не одну голодную ночь в своей жизни и не хотела даже вероятности такой допустить для своих детей и внуков.

Качаясь на качуле, я всё-таки как-то раз попросила деда Семёна рассказать мне о цыганах. Он рядом сидел, выстреливая из чурбана какую-то полезную в хозяйстве деревяху. Он крикнул и рассказал, что цыганки воруют детей, яйца у куриц, всё воруют, что смогут достать – такая у них задача, затем это принести своему цыгану, который сидит и просто ждёт. Если цыганка хорошо наворовала – повезло ей, а если мало или не особенно ценное что-то притащила, то цыган берет свою плётку и бьет нерадивую до тех пор, пока не долбит ей, что она должна воровать лучше. Мне стало цыганок жаль. Раньше казалось, что их жизнь – сплошное веселье и танцы, яркие юбки и песни под гитару у костра в поле.

Дед добавил: «Вот ты вырастешь, и уведет тебя цыган черноволосый с синими глазами в свой табор. Заставит тебя во-

ровать и ему приносить!» «А если я не захочу?» – несмело проблеяла я, уже подозревая, что услышу в ответ. «Тогда он будет и тебя плёткой хлестать для ума! Иначе никак», – прокрихтел Семён и закурил свой любимый «Беломорканал».

Я на минуту вжилась в роль несчастной цыганки: вот я стою в ужасе и яркой юбке посреди комнаты, ничего не укравшая для своего мужа, даже яйца. Не могу поверить, что я ушла с ним в табор, что нет мне дороги назад, что тот, кто должен меня любить, сейчас меня отстегает плёткой. Горько стало мне от своей выдуманной судьбы и ещё жальче стало цыганок, у которых нет другой.

В тот вечер меня не нужно было уговаривать – ела я перед сном основательно, «чтобы цыгане не приснились». А ещё навсегда зареклась (на всякий случай) знакомиться и встречаться с черноволосыми парнями с синими глазами.

Баня

Баня была по субботам. Стояла низенькая баня в дальнем углу огорода, идти нужно было по тропинке вдоль ягодных грядок. Серые потрескавшиеся бревна, маленький предбанник, помывочная с низким потолком – ничего особенного. К бабушке Варе приезжали мыться тетя Галя с дядей Витей и их дети, поэтому уже с четырех часов дед Семён таскал воду и протапливал баню, а бабушка хлопала половички и мыла в бане пол.

Я баню не любила. По мне, так ванна была значительно удобнее и лучше во всех смыслах. Не было духоты, жара, опасности обвариться кипятком, поскользнуться и шмякнуться с полка на пол. В Абатске гигиенические процедуры сводились к утреннему умыванию из рукомойника и вечернему подмыванию «Катки» (так бабушка именовала женские половые органы) и ног в тазике. Поэтому баня раз в неделю была необходима.

Всё детство мне твердили, что «баня – это полезно, это здорово», но, сколько я не повторяла себе, что это для моего же блага, нравиться она мне не начинала. Бабушка усаживала меня на полоч, где дышать было совершенно невозможно, и говорила: «дыши!». Я, мучаясь от жара и, задыхаясь от недостатка кислорода, терпеливо ждала, когда эта пытка кончится: бабушка решит, что профилактика респиратор-

ных заболеваний проведена внучке в полном объеме. Затем наступала очередь веника. Меня хлестали и говорили, что «тебе понравится», что «это добавит тебе здоровья» и ноги мои, искусанные комарами не будут зудеть. На самом деле, когда хлещут веником, это совершенно неприятно: мокрые горячие листья обжигают нежную кожу; здоровее от этого я себя не чувствовала, а мои только что зажившие комариные укусы начинали неистово чесаться с новой силой.

Потом меня мыли. Если я, изнемогая от жары, скулила и просила хоть немного приоткрыть дверь в предбанник, бабушка ругалась, что меня сразу продует и толку от бани не будет. Приходилось терпеть дальше. Наконец, закутав в полотенца, меня отправляли одну по тропинке в сторону дома, где на диване ждала чистая одежда. Я счастливая, что меня оставили в покое, отдыхала и ждала, когда вернется из бани бабушка и нальет мне холодного хлебного квасу.

Когда все помытые родственники сидели у бабушки за столом, пили квас, разговаривали свои взрослые разговоры, мне разрешалось присутствовать. Я была счастлива. Неизменно кто-нибудь спрашивал: «Ну что, понравилась тебе баня?» и все выжидательно смотрели на меня, а я неизменно, не желая испортить момент и огорчить людей, которые так радеют за моё здоровье, отвечала: «да, конечно, баня – это здорово!».

Только один раз в бане мне было по-настоящему хорошо. Дядя Витя и тётя Галя жили в своем доме без бани (она по-

явится у них многими годами позже) и иногда ходили мыться не к бабушке Варе, а в общественную баню. Так как они брали меня на выходные погостить у них, то в баню меня как-то тоже взяли с собой.

Большое красивое здание мне понравилось сразу. Работало одновременно два отделения и мужское с входом слева и женское с входом справа. Мы с тётёй Галей разделись в лакированных деревянных шкафчиках и мне выдали серый слегка погнутой тазик. В помывочной было много веселых женщин. Нам уступили место на лавке, тётя принесла воды. Вымыла меня, потом предложила посмотреть парилку, в которую я с охотой вошла и немного посидела там (больше из любопытства). Поселок был небольшой, почти все друг друга знали, смеялись, шутили, просто здоровались. Некоторые спрашивали, дочка ли я тёти Гали, на что она гордо объясняла: «племянница».

Не было духоты, невыносимого жара и приступов клаустрофобии. Когда я смотрела с лавки на пар, который поднимался клубами к высоченному потолку, мне казалось, что это новорожденные облака. Все женщины были объединены чем-то важным, что мужчинам никогда не узнать и не понять. Теперь меня тоже допустили к этому таинству, чем я была чрезвычайно горда. Женщины: старые и молодые, красивые и обрюзгшие, все светились особенной искренностью и открытостью. Не потому, конечно, что были голые. А потому, что в тот момент им нечего было скрывать друг от друга,

они очищались, и души их, в доверии друг другу, наполнялись светом.

Когда мы оделись и вышли в тёплый летний вечер, дядя Витя уже ждал нас на лавочке неподалёку. Я впервые поняла, как баня полезна для тела и для духа, была так воодушевлена новым опытом, что не могла представить себе, что можно чувствовать себя лучше. Но тут дядя открыл лимонад, который купил в киоске, пока нас ждал. О, этот незабываемый вкус карамели с шипучими пузырьками, прохладный и сладкий! Тётя Галя разрешила мне сходить до киоска одной и купить ещё бутылочку – это была первая самостоятельная покупка в моей жизни.

Не изменяя традиции, дядя спросил: «Ну что, понравилась тебе баня?» и я от всей души ответила: «Да!». Мы сидели с чистыми телами и душами, пили лимонад, вечерело, а впереди были выходной и вся жизнь!

Заброшенный дом

На Власково ходить одной мне было строго-настрого запрещено. Несмотря на то, что почти до самой воды болота вела довольно крепкая утоптанная тропинка, а сама глубина бывшего озера была, вероятно, небольшой, утонуть там ребенку было можно. К помутневшей, покрытой ряской воде вела тропинка, по сторонам от которой шумел рогоз и камыш; под ногами, случайно наступившими в сторону от тропинки, хлопала вода. Между болотом и домом бабушки косялся на случайных прохожих заброшенный дом без палисадника.

Только одно лето его занимала казахская молодая семья: муж пропал на работе, дома его ждала жена с тремя малолетними детьми, младшему не было года. Так как старшим детям не разрешено было выходить за ограду, и они ещё плохо говорили, моя надежда найти новых друзей быстро угасла. Казахи держали птицу – курицы щипали траву на ограде, небольшой выводок белых гусей ежедневно, подлезая под слишком высоко посаженные ворота, деловито направлялся к воде в центре болота поплавать и попить. Сушились на солнце простыни и пеленки. Хозяйка отвоевала у зарослей кусочек земли в огороде и посеяла кинзу и баклажаны.

На следующее лето дом опять пустовал. Казалось, дом сам неприветливо относился к своим временным жильцам и те,

поспешили найти местечко получше. Я спрашивала: «Чей это дом? Почему в нём никто не живет?». Бабушка пожимала плечами: «Хозяева уехали, живут в другом месте, дом иногда сдают. Ты не должна туда лазить? Поняла?». Я поняла. Но не поняла почему, а оттого мне интереснее было за ним наблюдать.

Дом стоял к нам неприветливой глухой стороной: разделяли наши дома три десятка метров цветущей картошки. Доски, когда-то выкрашенные темно-зеленой краской, облупились и поблекли. В окна нашей комнаты оттуда смотрело небольшое оконце, по типу бойницы, очевидно из сеней. Иногда, когда я, спрятавшись за шторкой, чтобы меня не было видно, смотрела на заброшенный дом, казалось, что там, в сенях кто-то ходит, заслоняя собой это маленькое отверстие. Со стороны глухого переулка, который вел к болоту, дом смотрел на мир стеклами (часто выбитыми) в расколотых старых рамах, покрытых той же темно-зеленой краской.

Калитка была подвешена очень высоко, как и сами ворота во двор, к тому же никогда не запиралась и, проходя мимо, можно было заглянуть под низом в ограду. Там, к удивлению, были протоптаны тропинки, которые не заросли травой, как можно было предположить. Про огород, такого сказать было нельзя – его весь затянуло плотным бурьяном.

Я любила фантазировать про этот дом – в нем могло твориться всё, что угодно: находится в подполе вход в иной мир; могли быть спрятаны в нем несметные сокровища; наконец,

там могли обитать неведомые и ужасные чудовища. То, что глухой и заброшенный дом может быть пристанищем преступников и наркоманов, мне в голову не приходило. А потому однажды я твердо решила убедиться в своей смелости и отыскать сокровища, наверняка спрятанные в глубине дома.

Для поддержки я взяла двух сестренок – соседских девочек, которых тоже привозили из города на лето к бабушке. Сперва они категорически отказались идти в сторону болота, но я поспешила их «успокоить», что мы не будем нарушать запрет и к болоту не пойдём. Мы просто посмотрим на заброшенный дом. Они нехотя поплелись за мной. Чем ближе мы подходили к нему, чем дальше удалялись от своих безопасных оград, тем становилось очевиднее, что идея зайти в чужой дом, пусть даже пустующий, не такая блестящая.

Мы остановились перед домом и переглянулись. Калитка была привычно полуотворена, было видно, что в ограде никого нет. Через грязные стекла нельзя было разобрать, что внутри. Мрак дома мог скрывать кого угодно. Я подошла и отворила калитку. Тихо. Девочки вслед мне тревожно зашептали, что не пойдут туда. Честно говоря, я не рассчитывала, что они даже до ворот заброшенного дома со мной дойдут, а потому не удивилась, и вошла в ограду.

На ограду из дома выходило ещё два окна, за которыми, впрочем, также ничего невозможно было разобрать. Пройдя пять метров вглубь по тропинке от ворот, в которых застыли в испуге соседские девочки, я немного освоилась. «Вот ви-

дите, ничего ужасного нет», – повернувшись к ним, заявила я немного громче, чем мне бы хотелось: голос стал будто-бы объемнее, как в бочке. «И никого здесь нет», – сказала я тише и менее уверенно: скорее себе, чем им. Крыльцо и вход в дом, очевидно, были с другой стороны дома. Его нельзя было увидеть, не заглянув за угол, дойдя до конца тропинки.

Я прислушалась: звуков в доме было не слышно, и я продолжила свой путь. Дойдя до конца и воровато заглянув за угол, увидела старое разбитое высокое крыльцо и желтую дощатую дверь, на которой красовался массивный навесной замок. Успокоившись от мысли, что мне не придётся заглядывать внутрь дома, выискивать запрятанные сокровища сегодня, попутно знакомясь с их хранителями, я повернулась и уже собралась неспешным победоносным шагом проследовать в обратном направлении к перепуганным моим безрассудством и непослушанием подружкам, как вдруг в доме слышались отчетливые шаги.

Шаги двигались из глубины дома к запертым дверям, словно тяжеловесный человек спускался по ступенькам в сенях. Я быстрым шагом, изо всех сил запрещая себе бежать, бросилась к выходу. Девчонки уже удирали по дороге к дому. Я выскочила из чужой ограды и тоже бросилась наутек. Добежав до бабушкиного дома, и убедившись в отсутствии погони, я села на лавочку. «Этот кто-то, наверное, меня увидел в ограде, через окно, подумал, что я воровка и решил прогнать», – пыталась логически рассуждать я. «Может там

поселился кто-нибудь совсем недавно. Но как же он собирался выйти через закрытую дверь? Может этого кого-то хозяин дома запер внутри специально?», – вопросы жужжали в голове, не давая моему воображению покоя.

Вечером я получила нагоняй от бабушки за мою «вылазку». Соседские девчонки рассказали своей бабушке, что я «заставила их залезть в чужой дом», та, конечно, высказала бабе Варе, что думает о моем воспитании и запретила мне играть со своими внучками. «Ну и подумаешь», – фыркала я, – «кому нужны в подруги предательницы и трусихи?!». Бабушка качала головой и вздыхала: «Нельзя с соседями ссориться. Не плюй в колодец – пригодится воды напиться!».

Мне не терпелось выяснить, есть ли кто-то на самом деле в заброшенном доме или шаги слышались со страха. Бабушка, словно угадав мои мысли, строго посмотрела и добавила: «Там нет ничего интересного. Просто старый дом. Не ходи туда больше. Обещай». Пришлось уступить.

Темно-зеленый дом ещё какое-то время паялился в наши окна своим прищуром-оконом из сеней, и я ждала, что его тайна раскроется сама случайно, но шли дни и ничего не происходило. Мне наскучило ждать. Моё внимание, как у всех детей, переключилось на более интересные события и дела.

Спустя пару лет, смотря на уныло стоящий заброшенный дом, я подумала: «Нет никакой тайны в нём. Просто никто не хочет жить на отшибе, у болота, в строении без стёкол,

где всё прогнило от сырости, потрескалось и облупилось, где каждую весну погреб, ограду и огород топит вода разливающегося Власково. Я бы не захотела. И это последнее место, где бы мне пришло в голову спрятать свои «несметные сокровища».

Воровка

Взять чужое себе – это плохо. Без оговорок и исключений. Воры представляются большинству детей, как персонажи мультфильма о Карлсоне, который живет на крыше: два недотепы в масках с мешками, которых легко напугать, если натянуть на себя простыню и притвориться привидением. В советских фильмах воров неизменно ловили и садили в тюрьму, поэтому было странно, что кто-то надеется, что останется на свободе с награбленным добром, и продолжает совершать эти бессмысленные действия. Сами преступники и их преступления были чем-то нереалистичным и далёким от советского безоблачного детства. Не представляла я, что вором может оказаться любой человек, даже я сама.

На улице Мира, по соседству с бабушкой, жили такие же пенсионерки, дети которых давно выросли, и если на улице появлялся ребенок, с большой долей вероятности это был чей-то внук или внучка. Через два дома навещали свою бабушку две местные сестрёнки – коренастые огненно-рыжие Олеся и Диана. Их привозили родители погостить, а вечером забирали.

Играли они со мной неохотно: их не интересовали мои забавы. Будучи на пару лет старше меня, они придирчиво перебирали цветные карандаши на моем столе и снисходительно качались на качуле. Было件нятно, что им вполне достаточно

друг друга. Общение с приезжей тюменской девочкой, навязанное бабушкой, их раздражало. Я была очень открытым и дружелюбным ребенком. Пытаясь хоть чем-то угодить, чтобы девочки подольше не уходили, не оставляли меня в одиночестве, я старалась их удивить и развлечь, рассказывая о жизни в городе, о своих игрушках дома, о подружках. Но чем больше я старалась, тем холоднее и надменнее они становились. Я никогда не встречалась с завистью (а это была именно она), оттого мне было непонятно и обидно пренебрежительное ко мне отношение.

При взрослых они вели себя показательно вежливо. Оставшись же со мной наедине, они могли, полностью игнорируя меня, болтать о своих знакомых, по-хозяйски рыться в бабушкином шкафу, таскать из буфета печенье, совершенно не заботясь о таких пустяках, как «спрашивать разрешение», и рисовать моими красками, неаккуратно перемешивая цветные акварели в одинаковые грязно-серые пятна.

Бабушка Варя между тем, усаживала конопатых толстухек за стол, угощала до отвала, и в придачу, с собой они уносили внушительный запас леденцов на палочках. Только тогда их мордашки несколько смягчались и они обещали зайти ко мне в следующий раз, когда их привезут к бабушке.

Когда же мы встречались на улице, их двоюродный брат – долговязый худющий лопухий Славка – дразнил меня толстухой и лгуньей, а Олеся с Дианой закатывались продолжительным визгливым смехом. Меня возмущали эти оскорбле-

ния – я не была худеньким ребёнком, но его сестра Олеся
раза в четыре была меня крупнее! Что касается лжи, она, по
мнению Славки, заключалась в моих заявлениях, что я из
Тюмени. «На самом деле», – деловито заявлял он, – «Ты все-
го лишь из Ишима!». «Спроси мою бабушку, откуда я прие-
хала!», – не сдавалась я, уже готовая расплакаться от такого
очевидного наговора. «Очень мне нужно с бабками лгуний
разговаривать!» – продолжал важничать Славка под непре-
кращающийся презрительный смех сестёр.

В один из очередных «визитов» на девочек большое впе-
чатление произвела целая коробка цветных мелков, которые
подарила мне тётя Галя. Меня убедили вынести их за ограду.
Мы вышли на дорогу (только там, на асфальте, мелки чер-
тили хорошо и не крошились) и стали рисовать. Я была до-
вольна: наконец-то меня не дразнят, а ведут себя дружелюб-
но. Пока две из нас рисовали, одна должна была смотреть в
обе стороны и предупреждать, если поедет машина. Первая
очередь «смотрящей» досталась мне и пока девочки рисова-
ли моими мелками, я отважно следила за их безопасностью.
Как только я попросила кого-нибудь из них поменяться со
мною местами, Диана обиженно заявила, что я просто жади-
на, раз мне жаль давать им порисовать. Она с гордым видом
увела сестру домой, оставив меня одну собирать в коробоч-
ку мелки, разбросанные на проезжей части.

Вечером мы все снова встретились за оградой. С утренне-
го инцидента минула вечность и о нём никто не вспоминал.

Славка предложил играть в салки. «Галей» выбрали меня. Я погналась за длинноногим Славкой, который побежал в сторону Власково, прекрасно зная, что на болото мне ходить запрещено. Я вернулась к воротам бабушки, никого не было видно. Решив воспользоваться моментом и попить водички, я зашла в нашу ограду и столкнулась там нос к носу с толстопятой Олесей, которая выскочила из нашего дома, что-то плотно сжимая в руке. Это был брусок розового мела.

«Ты... ты – воровка!», – с негодованием потрясенно вскричала я, – «Верни сейчас же!». В ответ Олеся лишь крепче сжала мелок и решительно двинулась к выходу из ограды. Бросившись назад, я преградила ей калитку: «Ты не выйдешь отсюда, пока не вернешь!». Мы сцепились. Олеся была старше и массивнее – шансов у меня не было. С силой швырнув меня о стену дома, она выскочила на улицу. Я пустилась вдогонку, но за воротами увидела, как Олеся степенно удаляется с Дианой и своими родителями, которые как раз пришли за своими дочерьми к бабушке. Вывести воровку на чистую воду перед родителями у меня не хватило духу. Я проводила их семейку испепеляющим взглядом и, бесильно всхлипнув, поплелась в дом.

Я ещё долго кипела внутренне от несправедливого и лицемерного отношения рыжих сестричек, глядя на пустующее место в коробке с мелками. Не верилось, что воровство такое обычное дело, которое можно встретить на пороге собственного дома, что совершить его может даже «друг», кото-

рому доверяешь. Бабушке я, конечно, всё рассказала. Олеся забралась в дом, когда бабушка была на огороде. Мы вместе приняли очевидное решение: больше эти девочки к нам не ходят и я к ним тоже.

«Я никогда не буду воровать! Это низко и подло!», – твердо решила я.

Спустя пару недель, мои родная и двоюродная старшие сестры подозревали меня и шепотом сказали: «Принеси нам две папиросы деда Семёна». Я пошла в дом. Серебряный портсигар всегда лежал на подоконнике в кухне. Я, не задумавшись ни на минуту, открыла его, спрятала в ладошке две дурно пахнущие папиросы. Сестры сидели на лавочке и ждали. Я молча вложила одной из них в руку свою добычу и побежала играть. «Это не воровство», – искренне думала я, – «Это же меня сестра попросила, а значит, не считается! Тем более, вон их сколько у деда, он и не заметит, что парочка пропала», – не предполагая, что именно так и рассуждала воровка – Олеся, когда совершала своё «страшное», на мой взгляд, преступление.

Виктория

В небольшом огороде бабушки значительное место занимали грядки с садовой викторией. Грядки шли от входа в огород до бани, целых восемь штук. Укрытые каким-то черным плотным материалом, похожим на застывший гудрон, с отверстиями для кустиков ягод, широкие грядки представляли собой интересное поле для выпаса.

По-хозяйски заходя в огород, я выдирала несколько «мышиних хвостов» молодой морковки, с десяток стручков юного горошка, срывала огурец и направлялась на обход ягодных угодий. Набрав пригоршню спелых, сочных ягод, шла к большой старой металлической ванне, которая была наполнена дождевой водой. Ванна вся обросла илом, сверху плавала ряска и какая-то зеленая пена. В этой ванне наверняка жило столько микроорганизмов, каким не всякое болото может похвастаться. Однако, небрежно отогнав от бортика ряску, в мутной воде я несколько секунд пулькала ягоды. Когда они считались помытыми, я переносила весь собранный мной урожай на серую потемневшую от времени скамейку и принималась за трапезу.

Солнце светило в мой белый незагорелый городской нос, жужжали насекомые. Бабушка стирала в тазике на свежем воздухе возле бани. Я хрумкала морковь и огурец, придирчиво осматривала стручки на предмет гусениц и лакомилась

клубникой.

В конце июня – начале июля, когда время клубники наступало, бабушка собирала со своей плантации по два ведра сочных ягод в два-три дня. Варилось варенье, ягоды елись со сметаной и сахаром, добавлялись в молоко, толклись, с викторией пеклись булочки, а самые крупные ягоды замораживали на зиму. В самые урожайные годы ягод было так много, что мы с бабушкой отправлялись на местные торговые ряды, чтобы ягоды продать.

Когда я просыпалась, урожай в двух ведрах уже ждал у входа. Мы скоро собирались и отправлялись в центр, к единственному крупному (двухэтажному) магазину Абатска – универмагу. Неподалеку стояли деревянные прилавки, где местные предлагали свою продукцию. Мне было немного скучно выступать в роли продавца, так как приходилось просто ждать, когда кто-то заберет оба ведра ягод. К счастью для меня, бабушка отдавала ягоды недорого, много уступала и торговля заканчивалась быстро. Купив свежего хлеба и молока, а также петушков на палочке (которые часто оказывались белочками, а то и вовсе солдатиками), мы довольные шли домой.

Сколько труда стоило вырастить, подкормить, полить, прополоть, убрать усы, защитить от долгоносика, собрать и «прибрать» эту викторию! Угрозой для урожая являлись не только птицы, насекомые и заморозки. Огород бабы Вари соседствовал с огородом местного детского дома. То и дело, ре-

бятишки оттуда забирались на наши грядки, отодвинув доску в заборе, и «козлятничали». В детском доме малышей не было: содержались дети от восьми до шестнадцати лет.

Бабушке не было жаль ягод – если бы ребята пришли и попросили их угостить, она ни за что бы ни отказала. Но против подлого воровства была настроена непримиримо и решительно. Поэтому каждый день в период сбора ягод бабушке приходилось караулить свой урожай. На час-полтора, когда детдомовских детей выводили воспитатели на огородные работы, мы садились на крылечко, которое служило бабушке наблюдательным пунктом.

– Бабушка, – выясняла я – разве они голодают там, у себя в детском доме? Почему к нам лезят? Может им есть нечего?

– Лезят они не от голода, а от отсутствия привычки спрашивать разрешения на то, что им вздумается. Родителям не нужны были, самим за себя думать пришлось приучаться. А без примера хорошего перед глазами, что могло вырасти? Воры и пройдохи – и она вздыхала.

Мне было жаль тяжелого бабушкиного труда, было жаль детей, которые никому не нужны, было жаль, на всякий случай, себя, если бы я оказалась на их месте. Бабушка же уверяла, что никаких приличных людей их воришек не вырастет, а потому ничему хорошему они не научат и общаться мне с ними не стоит. «Ещё поколотят тебя», – для пущей убедительности добавила она, что окончательно утвердило меня в мысли, что за забором – враги.

В один из дней со мной случилась непредвиденная неприятность – понос. Виной были так любимые мной ягоды. Живот болел и выкручивался, будто там кто-то делал генеральную уборку. Я лежала на диване и ждала, когда же это закончится. Пить разрешено было только воду, но её совсем не хотелось. Самым досаждающим обстоятельством было то, что количество трусов было невелико, приступы позывов в туалет настигали меня внезапно и не всегда в деревянном строении в огороде. После седьмой смены белья, бабушка усадила меня на детский горшок для надежности «пока точно всё не пройдет». После того, как вроде бы всё прошло, еще две пары белья были испачканы. Бабушка разводила руками, ворчала, что за «напасть» на меня напала, и стирала. Наконец, остались последние трусы, которые я надела.

Побродив в огороде, я вновь ощутила утомившее меня бурление в животе. Туалет был рядом, но это не спасло – последняя пара белья была испачкана. Я была раздосадована невероятно: что скажет бабушка?! Что я теперь надену?! Когда закончится это представление?!

В гневе я размахнулась и швырнула грязные трусы подальше. Они перелетели через забор на сторону огорода детского дома. Я в ужасе шарахнулась к забору, от всей души надеясь, что они упали куда-нибудь в картофельные кусты и обнаружат своё местоположение только осенью. Но нет, трусы повисли на высокой палке, воткнутой в горох, повернув к солнышку самую испачканную свою сторону и весело белея на

всю округу!

Я замерла. В огороде детского дома никого не было; внутри, видимо, был «тихий час». Трусы надо было вернуть. Воровато озираясь по сторонам, подошла к другой стороне забора, пытаясь найти доску, которую отодвигали соседские воришки, когда лазили «по ягоды». Как назло, дед накануне крепко приколотил все шатающиеся деревьяшки и ни одна не поддалась.

Побродив немного в раздумьях и не найдя выхода из этой нелепой ситуации, я побрела в дом. «Как же так получается? – размышляла я, – «Они к нам за сладкими ягодами, а я к ним была готова лезть за грязными трусами! Кто из нас теперь «не вырастет в приличных людей»? Захотели бы они общаться со мной? Или подумали бы, что ничему хорошему я их не научу? Может быть, их тоже пугают, что я их могу поколотить?»

Вечером бабушка миролюбиво и лукаво поинтересовалась, не мои ли трусы висят на соседнем огороде. Я, собрав весь свой артистизм, «удивилась» и заверила, что не имею к трусам никакого отношения: «Это детдомовских трусы. Ты же знаешь, они никем не воспитаны и на всё способны: клубнику нашу воровать, трусы раскидывать, да мало ли ещё что...»

Хорошего во всем происшествии было три момента. Во-первых, понос прошел окончательно. Во-вторых, ягоды с тех пор я мою тщательно. В-третьих, и главных, я перестала счи-

тать себя лучше детдомовских детей, но не настолько, чтобы открыть это бабушке.

Квартирант

В Абатск из соседних небольших деревенок часто приезжали на учебу в единственное местное сельскохозяйственное училище молодые парни и девчонки, кто не мог позволить себе учиться в Тюмени или Ишиме, а профессия была нужна. В заведении, именуемом местными «Капустой», можно было стать механиком, сварщиком или трактористом, а девицам – поваром или продавщицей. Предприятия организовывали летнюю практику для учащихся в «Капусте» и тех, кого по распределению направляли из Ишима. Жить приезжим было негде, так как общежития как такового при училище не было, а немногочисленные комнаты единственной гостиницы постоянно были заняты останавливающимися на постой дальнобойщиками. Поэтому практиканты обычно снимали комнату, а чаще просто койку в доме у какой-нибудь старушки.

Баба Варя пустила к себе «квартиранта» только один раз и только потому, что её попросила хорошая знакомая, посетовав, что мальчик хороший, а его негде приютить: у неё самой жили двое. Жить квартиранту предстояло месяц, пока длилась практика. Я приехала как раз, когда шла первая неделя практики и очень удивилась, когда мне навстречу вышел из дома бабушки незнакомый молодой человек, лет шестнадцати – семнадцати, и деловито направился за ограду.

Бабушка, не вдаваясь в подробности, объяснила, что парню негде жить, и он немного поспит у нас в комнате на полу. Приходил квартирант поздно, уходил рано, обедал, очевидно, в придорожном кафе «Пельмешка», недалеко от «Капусты». Когда попадался бабушке, она неизменно усаживала его за стол и кормила впрок. Я приняла тот факт, что кроме меня в доме есть ещё кто-то «временный» легко, как будто это обычная вещь в моем летнем пребывании в деревне.

Как-то я сидела в комнате за круглым столом и рисовала цветными карандашами в тетрадке. Парень зашел и с радостным задорным видом уселся на стул напротив.

– Извини, не было времени познакомиться, – начал весело он, – я – тут он назвал своё имя, – как тебя называть? Я представилась. «Будем друзьями?» – спросил он. Я неуверенно кивнула и улыбнулась в ответ, такая искренняя и светлая была у паренька улыбка.

Много лет я пыталась вспомнить, как его звали. Я помню всё: светлое лицо с веснушками, острый мальчишачий подбородок, копну густых темно-русых волос, карие с искринками глаза, искреннюю улыбку. Но имя моего нового летнего друга словно скрыло пеленой – Сережа? Леша? Саша?

– Я здесь на практике ненадолго, не помешаю тебе? – продолжал он.

– Конечно, нет, оставайся, – милостиво «разрешила» я.

Тут он увидел на столе колоду карт, которую я впервые привезла с собой из Тюмени. Среди девчонок было модно

гадать «на женихов» на картах и «на желание»: сбудется/не сбудется. «В дурака» я тоже умела играть, но играть было не с кем – колода валялась без дела.

– Как-нибудь я научу тебя играть в одну очень интересную карточную игру, – предложил мой новоявленный друг, – а сейчас мне пора.

Через несколько дней у него появилось свободное от учёбы время и он, интригуяще перетасовывая колоду карт, позвал меня учиться играть. Мы уселись в комнате на диван с выпирающими пружинами. Игра называлась «Сплю». Ведущий раздавал три карты сопернику и четыре себе. Одну «ненужную» карту нужно было отдать. Если карта возвращалась, её откладывали и из колоды брали следующую. Цель игры – собрать на руках комбинацию из трех карт одной масти быстрее соперника и выкрикнуть слово «Сплю!».

С этого времени мой досуг стал намного динамичнее и веселее. Мы могли сыграть несколько раз или рубиться целый час, мне не надоедало. Мой друг страшно жульничал и притворялся, принимая загадочный и непроницаемый вид, но его глаза смеялись. Я хохотала и тоже пыталась шельмовать. Было легко и весело. В доме поселилась непривычная для сонного лета активность и радость. Постоянное ожидание встречи для получения позитивных взаимных эмоций очень сблизило нас и мы стали настоящими друзьями: болтали о кошках, о моих игрушках, о книжках. Он частенько рассказывал что-то забавное и интересное для меня. Время

пролетало незаметно, и было немного грустно, когда ему было пора уходить по делам.

Вечерами квартиранта сложно было застать дома. Он, как и многие молодые парни, уходили «на вечерки». Запирали калитку у нас рано, ведь принято было рано ложиться. Я как-то спросила, как же он проходит в ворота, когда поздно возвращается, калитка-то закрыта на задвижку. Он усмехнулся: «Я через забор привык». С этого дня он стал для меня кем-то героическим, ведь перепрыгнуть бабушкин забор в полтора метра для меня казалось под силу только супермену.

Казалось бы, зачем молодому парню проводить своё время с чужой девочкой, смешить её до колик в животе, развлекать разговорами, учить чему-то? Ответ довольно прост. Однажды он сказал: «У меня дома осталась сестренка твоего возраста. Я очень по ней скучаю». Я от всей души позавидовала незнакомой девочке, у которой есть такой веселый и добрый брат, который так её любит. Но тут же утешилась, что мне не так повезло, как ей. Ведь если бы я была его сестрой, я бы не смогла выйти за него замуж, когда вырасту. Ничего, – думала я – что у нас значительная разница в возрасте, когда я буду взрослая, это будет не так важно и заметно. Одно было доподлинно ясно: другого такого веселого и доброго парня найти непросто.

Когда прошел месяц практики, нашему квартиранту пора было съезжать. Он нашел время, чтобы попрощаться со мной, чем снова показал мне, что мы настоящие друзья, и

он не может уехать просто так. Парень выглядел расстроенным: «Мне пора уезжать. Всего тебе самого счастливого. Давай сыграем в последний раз?» Мы снова сели на диван и в последний раз сыграли в «Сплю». Я ещё ни с кем не прощалась «навсегда-пренавсегда» и не знала, что обычно говорят в таких случаях. Сидела тихо-тихо, но не плакала, а внимательно смотрела на него во все глаза, чтобы запомнить его хорошенько. Он собрал свои немногочисленные вещи в рюкзак.

– Мы ещё когда-нибудь увидимся? – спросила я.

– Всё возможно, – грустно ответил он.

Я понимала, что когда взрослые так говорят, то это «нет» и вздохнула. Было видно, что ему жаль расставаться со мной. Это меня очень тронуло. До этого расставания я не представляла, что могу быть кому-то «постороннему», то есть не родственнику, дорога. Он уехал.

Сидя на крылечке и раскладывая очередное гадание на картах, я грустила, что не с кем теперь поиграть. Мне по обыкновению стало скучно. Чтобы как-то развлечься, представляла, будто, невзирая на то, что я не знаю ни фамилии паренька, ни его место жительства, судьба обязательно сведет нас вместе сама через много лет. Я буду молодой прекрасной девушкой, и он будет полностью мной очарован, а потом он узнает кто я, и мы, несомненно, поженимся, и будем жить долго и счастливо.

До сих пор становится на душе светлее, когда я думаю, что

на этом шаре где-то живет человек, имя которого скрывает моя память – Сережа? Леша? Саша? Его веснушки смешно морщатся, когда рот расплывается в улыбке, на которую невозможно не ответить. А непослушная челка темных волос падает на глаза, когда он смотрит в карты (или в телефон). Пусть будет счастлив мой детский друг, где бы он ни был.

Кошки

Родители кошек не любили категорически. Отец-охотник предпочитал держать собак, мать относилась неприязненно к любым животным. Я же уродилась отчаянной кошатницей. Любила всех животных, но теплые, мягкие мурчащие питомцы вызывали особый отклик в моей душе.

В Абатском доме бабушки кошки всегда были в наличии для ловли мышей. Бабушка не испытывала нежности к этим зверькам, но неизменно хвалила их за хорошо выполненную «работу», когда домашний хищник приносил к порогу задавленного мышонка; кормила за выполнение необходимой в хозяйстве функции – сбережение запасов. Она относилась к домашним животным с присущей всем деревенским простотой, без пиетета, и, не моргнув глазом, топила в ведре ненужных котят. Загадкой, на мой детский взгляд, было то, что почти каждое лето, когда я приезжала к бабушке, кошка в доме жила новая, уже взрослая. Брала котенка бабушка ранней весной, потом он вырастал, ловил мышей и не редко пропадал или погибал от естественных причин, и в дом бралась следующая кошка.

Я пыталась всякими способами подобраться к любой деревенской кошке и выразить ей мою любовь и восхищение усиленным тисканьем, когда она, уставшая от ночной охоты, отдыхала на печке, на кровати деда Семёна, или растянув-

шлись на половичке в сенках. Кошки, все как одна, не привыкшие к детям и ласке, недовольно шипели, убегали и царапались. Сколько меня не предупреждали, чтобы я оставила животных в покое, это не помогало. Из лета в лето на моих руках красовались красные царапины – символ моей «неразделенной любви».

Одно лето жил у бабушки серый кот – Васька. Был он суровый и самый нетерпимый к моим поползновениям его приласкать. Он жил ловлей мышей и охраной своей территории, мог несколько дней где-то пропадать, а потом сутки отсыпаться на печке. Ел Васька с утробным рычанием сырых пескарей и требуху, всем своим презрительным видом и острыми когтями пресекая моё желание подружиться. После нескольких неудачных попыток погладить кота, который повадками больше напоминал дикую рысь, я отступила и держалась подальше.

Когда я приехала на следующее лето, у порога меня встретил новый жилец – беленький кот Костя. На мой вопрос: «Куда же делся предыдущий охотник?» Бабушка пожала плечами: «Ушел куда-то гулять в конце февраля и пропал. Я подождала пару месяцев и взяла Костю». С Костей мы подружились. Отчасти оттого, что я стала старше и уже не пыталась душить кота в своих объятьях, а он довольно терпимо относился к теребящему его ребенку. Мы вместе сидели на печке: изредка Костя даже негромко мурчал, когда я чесала его за ухом. Бабушка позволяла мне кормить его молоком.

Наконец, у меня появился питомец, я была несказанно этому рада.

Но в один прекрасный день неожиданно вернулся «хозяин» территории – Васька. Он с февраля прожил, видимо, насыщенный событиями жизнь: одного глаза у него не было, шерсть кишела блохами и свисала на животе серыми свалывшимися комками, ухо было порвано совсем недавно и ещё кровило. Без церемоний возвращенец прошел под стол, где Костю в консервной банке дожидалось молоко, и деловито отобедал.

Костя совершенно не ожидал, что вот так запросто в его дом может прийти дикий зверь и очумело смотрел из-за занавески. Затем несмело спустился с печки. Как раз Васька закончил трапезничать и направился на печку – спать. Встреча состоялась на половичке, там же началась отчаянная драка. Костя не смог убедить «гладиатора», что он тоже имеет право тут жить. Изрядно потрепанный, он убежал в огород и залег в кустах картошки.

В течение следующих двух недель то тут, то там проходили кошачьи схватки за право владения территорией. Мне было искренне жаль Костю, который выглядел затравленным и значительно уступал авторитетному Василию. Через некоторое время Василий понял, что прогнать Костю не получится и придется его терпеть. Серый кот по-прежнему ел первым и занимал теплое место на печке. Белый кот – смиренно ждал поодаль своей очереди к кормежке, отдыхал на полу и наде-

ялся, что жажда приключений и вольной жизни снова позовет Ваську в побег из дома. Бабушка вздыхала, но делать было нечего, пришлось ей держать обоих котов.

В доме моей тёти в Абатске тоже появился котенок. Это была полосатая серая кошечка. Счастью моему не было предела: я её кормила, играла с ней, гладила, усаживала себе на колени и наблюдала, как она задорно скачет, пытаясь поймать стрекоз на ограде. Напротив крылечка, метрах в десяти, был небольшой холмик – ходить туда, мне было запрещено. Во-первых, там росли царпучие кусты малины, во-вторых, там находился погреб – глубокий и темный. Именно в ту сторону при очередной прогулке направился котёнок.

Я воровато огляделась по сторонам – никого, и потрусила за ним. Большая круглая крышка с погреба была откинута. Я подкралась и, вытянув шею, заглянула в темную дыру, которая дышала земляной прохладой. Вниз, на два – два с половиной метра, уходила деревянная приставная лестница. Круг света сверху освещал небольшой участок земляного пола под ней. Вокруг царил мрак. Не было видно, в отличие от подпола в доме, ни полок, уютно уставленных банками с вареньем, солеными груздями, помидорами и чем-то неуставленным, ни лампочки, свисающей на проводке с потолка, ни лотков с хранящейся картошкой.

Я стояла наверху, вглядываясь в эту бездну и представляя, что бы стало со мной, решишь я спуститься туда, в глубину. Уж наверняка, – размышляла я, – стоит мне только ступить

на этот пяточек света, стоит только коснуться сандалем утоптанного дна, как сразу из темноты протянутся ко мне чьи-то корявые руки и утащат под землю. Немыслимые чудовища разорвут на кусочки, съедят, и никто не узнает, куда я подевалась. Мои мысли о том, как мне себя жалко, погибнувшую так стремительно в воображаемой реальности, прервал жалобный писк снизу.

Я захлопала от неожиданности глазами, изо всех сил тащаась в черноту погребка. Потом позвала: кис-кис-кис. Котенок был внизу, видимо, упал. Он вышел в круг света под лестницей и задрал мордочку наверх. Я беспомощно посмотрела по сторонам: как же я смогу бросить его там одного на съедение чудовищам? Мне придется спуститься и достать его. Я нервно сглотнула. Спускаться было подобно самоубийству. «Может, чудовища специально его поймали, чтобы добраться до меня?», – рассудила я. Побродив минуту-другую по малиннику, я вернулась к отверстию, присела на колени и, нагнувшись в дыру, стала кис-кискать.

Котенок стал забираться по ступенькам наверх. Для него это было довольно сложно, он мявкал и трусил. Когда он поднялся на несколько ступенек, я вытянула руки и вытащила его на поверхность. Облегчение было всеобщим: я была довольна, что не придется лезть к чудовищам и рисковать своей жизнью, котенок – что оказался на солнышке. Когда сердечко у котенка на моих руках снова забилося ровно, я задумалась о том, сможет ли он повторить свой «подвиг» ещё раз.

Подойдя к яме, я присела на корточки и сбросила его вниз. Котенок, как и ожидалось, приземлился на лапы, отряхнулся, и, поняв, что ему снова предстоит карабкаться наверх, полез на волю. Я подхватила его у выхода и снова бросила вниз. В этот раз он упал не так удачно – несколько раз стукнулся о ступеньки лестницы. Я звала сверху. Котенок отдышался и снова стал залазить, но уже не так быстро. Как только он поднялся, то хотел убежать, но я его поймала и снова кинула вниз. Так продолжалось несколько раз, пока, наконец, он не понял, что пока я его жду наверху, из погреба он не выберется. Он улегся внизу у лестницы и стал ждать, когда я уйду.

Я звала, но, убедившись, что ему эта «игра» надоела, побежала по своим делам, совершенно забыв о питомце в погребе. Вечером сестра спросила меня: не видела ли я котенка? Она не могла нигде его найти. Я понимала, что поступила нехорошо (ходила к запрещенному погребу, а не издевалась над беззащитным существом), а потому ответила отрицательно.

Тогда я не считала, что поступила жестоко. Была безнаказанность и скука: просто интересно посмотреть – сколько раз котенок сможет выбраться из затруднительного положения? Насколько хватит его упорства, сил, терпения? Как долго он будет идти ко мне, зная, что я снова причиню ему боль и страдания? Я любила кошек, желания покалечить животное или причинить вред не было. Жаль, что в тот момент кто-

нибудь не объяснил мне, что чудовище, которого я боялась внизу, всё время находилось наверху – я сама была им.

Порой кажется, что бог поступает также: зовет нас к свету, успокаивает, затем швыряет вниз (без злобы, без коварства), а только чтобы проверить – остались ли силы, стремление через боль идти на его зов или мы готовы сдаться, остаться в отчаянье, лежать во тьме на сырой земле, утратив веру когда-либо подняться.

Лилина мама

По соседству с домом тёти Гали в Абатске стоял беленый известью дом. Там жила моя лучшая подруга – Лиля. Она была младше меня на два года, но жизненным опытом она значительно превосходила меня, отчего мне всегда было интересно с ней. С Лилей мы дружили, сколько себя помнили, поэтому, когда я приезжала на лето, я всегда приезжала к родственникам пожить, а к ней «подружить» – напитаться нашей дружбой на весь предстоящий год. С каждым годом дружба крепла, а наши встречи происходили так, будто мы расстались вчера.

Семья у Лили была преинтересная. В семье росло трое детей: старшая Лиля, её младшая сестра и брат. Присматривали за детьми две бабушки. Мать отца – тучная громкоголосая женщина с черными волосами, размашисто ходила по огороду и крыла трехэтажным матом всех и вся. В нашей семье выражались предельно литературно (за редким исключением), поэтому громкие бранные тирады, которые слышались с раннего утра до заката, представлялись мне невероятно смешными. «Матю-перематю» покрывалась морковка, которая смела зарости сорняками; баня, которая слишком жарко истопилась; кошки-собаки, которые попались под ноги; непослушные внуки-дети, которые давно перестали обращать внимание на этот «изысканный колоритный диалект».

Зачастую для выражений повод был не нужен – они шли искренне от души, не привязываясь к какому либо факту или событию. Самое уникальное, что слова, словосочетания и целые элегии на мате не повторялись, не противоречили друг другу, а целостно описывали ситуацию и отношение к ней повествующего.

Противоположностью была мать матери – кроткая и тихая, в простом ситцевом платье, она часто сидела перед оградой на лавочке. Она потеряла зрение много лет назад, что не мешало ей хорошо ориентироваться в доме и присматривать за внуками. Глаза её, подернутые белой пеленой, устремлялись вдаль; голос звучал негромко, но спокойно и уверенно, отчего женщина напоминала оракула, который вещает волю богов. На контрасте обе бабушки составляли эффектный дуэт, который криками или мягким увещанием решал любой вопрос.

Отец Лили – человек холеричный, импульсивный часто бывал непредсказуем, отчего его побаивались не только домашние, но и соседи. Хозяин был с домочадцами суров и требователен: когда он бывал дома, все должны были сидеть под замком. Он то сидел без работы, маясь от безделья и погружаясь в состояние глубокого запоя, то начинал бурную деятельность, приносящую как доход в семью, так и беспокойство о безопасности этой деятельности. Период активности сменялся меланхолией и новым запоем, в котором исчезали все добытые трудовым путем средства. Семья на таких

«качелях» то получала неожиданно дорогие подарки, то думала, как не умереть с голоду. Очень выручал огород и неравнодушные соседи, которые иногда отдавали кое-какие вещи.

Мать Лили – молодая сильная красивая женщина была локомотивом, который тащил на себе всё семейство. Она могла быть строгой и требовательной, могла мягкой и смешливой, но всегда доброй и честной. В редкие и оттого прекрасные моменты веселья, лицо её, обычно тревожное, печальное, вдруг расцветало и лучилось детской радостью, а на щеках появлялись ямочки, превращая её уставший вид в совершенно девчачий. Для меня на всю жизнь эта женщина стала примером «русской женщины», настоящей, цельной и невероятной в красоте и глубине души своей.

Лилина мама вышла замуж рано, как и многие в деревне; переехала в дом мужа и свекрови и с тех пор жила однообразной и нелегкой жизнью с мужем-тираном. Она рожала детей, воспитывала их, лечила, защищала, растила с удивительно правильным посылом – верой в добро; она заботилась о престарелых родителях своих и мужа; она вела хозяйство и огород; она работала на двух работах – в пекарне и детской больнице; любила жизнь и своего непутевого, иногда опасного мужа.

Год за годом приезжая в Абатск, я видела, как тяжела её жизнь, как бьется она за свою семью, детей, как хотела бы, вероятно, что-то изменить, но не может выпрыгнуть из неумолимого колеса жизни. Она никогда не была на море,

за границей или в Москве; в жизни не носила золота и норковых шуб; не ездила на дорогих автомобилях; не получала «высшее» образование; не делала «карьеру» – никогда ничего из того, что принято считать пунктиками в «успешности». Но, несмотря на это, чище и светлее в простоте и искренности своей, я не встречала души. Лилина мама – символ христианского смирения, не бессилия или апатии, а истинного отношения ко всему «с миром».

В 2000-х годах, будучи уже взрослой, я приехала в Абатск на пару дней. Мы встретились с Лилей у их палисадника, сели на скамеечку, и я стала показывать мои фотографии из музея мадам Тюссо в Лондоне. К нам вышла Лилина мама. Она тоже села рядом и стала перебирать фотографии: «А, это – Путин, это – Джон Траволта, это – Мария Антуанетта с семьей, Битлз, Ясер Арафат...»

Мы с Лилей шокировано смотрели, как деревенская обычная женщина, каждую минуту своей жизни посвятившая работе и заботе о близких, узнавала без подсказок мировых лидеров и кинозвезд, политиков, музыкантов – всех, как своих давних знакомых. «Откуда, скажите на милость, Вы всех их знаете?», – пораженно спросила я. «Разве можно кого-то из них не узнать?», – задорно улыбнулась Лилина мама, так что ямочки на щеках озарили лицо, сделали её моложе на пару десятков лет, – «Я ведь не только хозяйством занимаюсь. Нужно развиваться и узнавать, что происходит в мире, несмотря ни на что...». Она отдала фотографии и

вернулась в дом. А мы с подружкой, восхищенные, долго сидели в недоумении.

Сколько их таких в стране – простых, искренних, трудолюбивых, терпеливых и отважных?! Сколько тех, кто просто живёт свою обыкновенную, ничем не примечательную жизнь, создавая каждый день своей работой и заботой реальность для себя, своих детей и всех людей, кто остаётся не сломлен и чист сердцем?! Надеюсь, достаточно, чтобы держаться на плаву наш уставший от ложных ценностей и иллюзорных представлений мир.

Место силы

Постоянно проживая в городе, с его ритмом, машинами, спешащими незнакомыми людьми, освещенными дорогами и расчищенными от снега тротуарами, человек может с непривычки ошалеть от деревенских пейзажей. Целый год, находясь в суеде городской агломерации, а потом приезжая в Абатск, я попадала в удивительное и чудесное для меня место. Чем старше я становилась, тем четче ощущала эту разницу между городом и деревней, тем контрастнее для меня звучали запахи и звуки, невероятной казалось близость людей.

Строгие правила города совершенно «не работали» в Абатске. Это было здорово. Подростком мне не нужно было «отпрашиваться» как в Тюмени, не нужно было говорить: с кем я иду, куда, когда вернусь, а потом переживать, что задержалась на десять минут и мне, вероятнее всего, влетит. Дядя и тетя проявляли ко мне – подростку так необходимое мне в том возрасте доверие, не контролировали каждый мой шаг, давали свободу выбора. Чувство свободы было прекрасным, но и ответственным. Я сама понимала, что если надолго пропаду неизвестно где, они будут волноваться, и всегда приходила вовремя. Уважение к чувствам близких – очень важный урок взросления, который я там усвоила: тебе доверяют выбирать с кем ты будешь общаться, где и как прово-

дить время, но ты должна нести всю полноту ответственности за свою безопасность и спокойствие твоей семьи.

Деревенских отличий было много и порой нужно было прожить несколько дней, чтобы «вспомнить» все особенности местных устоев. Все подростки выполняли свои домашние обязанности по хозяйству. Их было значительно больше, чем у моих ровесников в городе и они отличались большим разнообразием: не только покупка продуктов, уборка в своей комнате и выполнение школьных уроков. Тут нужно было работать в огороде – полоть, поливать, собирать урожай. Работа по дому включала стирку, уборку, приготовление пищи и кормежку птицы/скотины; встречать/проводить корову на выгон. Молодые парни кроме того помогали отцам с ремонтом мотоциклов и сараев или с сенокосом. Учитывая всё это, подростки не могли, как привыкла я, пойти гулять, когда им вздумается. Нужно было сперва переделать свои домашние дела и только потом выйти «на вечерки» – прогулки вдоль дорог притихшего поселка, посиделки на скамеечках у чьего-нибудь палисадника.

Все эти обязанности делали детей взрослее гораздо раньше, чем городских. Ответственности за ведение хозяйства было несравнимо больше, больше забот, о которых я даже не подозревала, живя в городе с электрической плитой и водопроводом. Подростки раньше выросли, раньше понимали «как устроена жизнь», раньше вступали во взрослые взаимоотношения и создавали семьи.

Я чувствовала себя наивной и неопытной в деревенских компаниях, неумехой, которая не знает, как доить корову или свернуть курице голову. Местные подростки меня вряд ли бы приняли, если бы не Лиля. Она была «своя» и меня автоматически принимали как её подопечную в любой компании, где бы мы ни оказались. Иногда её советы здорово выручали меня.

Радостно надевая расклешённый бирюзовый плащ, в котором приехала из города, ботиночки с блестящими заклепками на шнуровке, так как после дождя развезло дороги, я довольная своим видом шла за Лилей на прогулку. Она, усмехаясь, оглядывала меня: «Куда это ты так вырядилась? Иди, переодевайся в калоши и тужурку какую, попроще. А то ты будто только из Парижа приехала нашу грязь месить. Не надо девчонок «драконить» – я в этом месяце обещала не драться». Я, вздыхая, но доверяя ей больше, чем себе в этих вопросах, перелезла в резиновые сапоги и тёплый серый кардиган тёти Гали, принимая «приличный» местный вид.

Когда мы отправлялись вечером гулять по абатским улицам, я с упоением вдыхала особенный деревенский запах природы и дыма от топящихся бань, слушала вечернее кукареканье петухов. «Хорошо, тут у вас», – заключала я, – «кукареки петухают...», нечаянно путая слова. Лилия заходилась раскатистым хохотом: «Кукареки? Ха-ха-ха, петухают? Ха-ха-ха! Совсем в своем городе свихнулась! Ха-ха-ха!» и мы

шли дальше – весело бродить по улицам, рассказывая друг другу все-все новости, радости и горести, которые произошли с нами за год.

В Абатске было занимательно ходить куда-то с тетей Галей, потому что многие знали её саму, мужа, детей; здоровались; вступали в разговоры; передавали новости об общих знакомых. Иногда казалось, что все жители друг друга хорошо знают и представляют собой большую-пребольшую семью с кучей родни. От этого появлялась уверенность в безопасности, ведь в семье не обидят. Двери в домах запирались только на ночь или когда хозяева уезжали по делам. В остальное время кто угодно мог зайти в гости. Это было невероятно для города и опять же, каким-то кругом всеобщего доверия связывал всех жителей поселка.

Особенно мне нравилось, что можно было спросить у Лили или тёти Гали про любой дом и мне рассказывали, чей он, интересные факты из истории этого семейства. Такая всеобщая ненарочная информированность, близость друг к другу даже посторонних людей, связывала незримыми узами всех, кто ходил по этим улочкам, сидел в парке на скамеечке, делал покупки в одних и тех же магазинах.

Преобладающими домами были одноэтажные, хотя встречались и двухэтажные дома с квартирами в центре поселка. Почти возле каждого дома пестрел и благоухал палисадник с самыми душистыми и яркими цветами. От этого Абатск летом напоминал большой цветущий сад. Главная улица Лени-

на, тенистая и не широкая, начиналась от въезда в поселок и вела к реке.

Река Ишим, на первый взгляд спокойная, обладала непокорным и жестоким характером – вдоль её русла с крутыми поворотами, течение местами было стремительным и опасным, берега крутыми и неприступными. Каждый год её непредсказуемость уносила жизни людей. При этом расплачиваясь с искателями древностей необычными «подарками» – костями мамонтов, которые когда-то бродили по этим равнинам.

Завороженно сидела я теплыми августовскими ночами, задрав голову в темноту, где каждая звездочка была на своем месте, яркая, видимая, не потерянная в свете отблесков городского освещения; смотрела, как пролетают и падают персеиды, загадывала нехитрые свои желания. Запахи трав, земли, навоза и дождя пьянили. Свежее теплое – только из-под коровы – молоко с печеньем на кухне, разговоры о самом важном на свете и ни о чём одновременно, наполняли спокойствием и гармонией.

Это было время моего «мира» с самой собой, отдыха от житейских бурь, накопления энергии и сил для трудностей, которые ждали меня впереди. Абатск был моим личным «местом силы», неиссякаемым источником детского счастья и опыта, где меня всегда ждали и любили, и которому я бесконечно благодарна!